

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕНОЦИДА НА ГОМЕЛЬЩИНЕ (1941–1944 гг.)

Л. С. СКРЯБИНА

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

В статье раскрывается преступная деятельность немецко-фашистских захватчиков по физическому уничтожению мирных граждан и военнопленных. Подчеркивается важность сохранения исторической памяти о злодеяниях нацистских преступников в целях противодействия фашистской идеологии и воспитании подрастающего поколения в духе нетерпимости к её проявлениям.

THE IMPLEMENTATION OF THE NAZI POLICY OF GENOCIDE IN THE GOMEL REGION (1941–1944)

L. S. SKRYABINA

Belarusian State University of Transport, Gomel

The article reveals the criminal activities of the Nazi invaders in the physical destruction of civilians and prisoners of war. The importance of preserving the historical memory of the atrocities of the Nazi criminals in order to counteract the fascist ideology and educate the younger generation in the spirit of intolerance towards its manifestations is emphasized.

Всё дальше уходит в историю 1945 год – год окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн. Чтобы по-настоящему оценить значение Великой Победы, необходимо хорошо представлять себе, от чего спасли мир советские солдаты вместе с союзниками из Объединённых Наций. К сожалению в настоящее время трагическая правда о беспрецедентных по своей бесчеловечности и жестокости злодеяниях нацистов и их пособников оттесняется на периферию национальной памяти.

Забвение исторической памяти о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков может нанести неисправимый вред для национального самосознания белорусского общества, которое постепенно не только перестанет воспринимать преступный характер политики фашистской Германии по отношению к гражданам, проживающим на территории Беларуси, но и утратит способность распознавать подобные угрозы для современного белорусского общества. В особенности это касается молодёжи, которая с учётом временной отдалённости от событий военных лет уже не так остро, как предшествующие поколения, чувствует перенесённые белорусским народом боль и страдания.

В связи с этим, в контексте реализации задач по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне большое внимание должно уделяться разоблачению преступных планов нацистской Германии и проводимой политики геноцида белорусского народа.

Задача сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне, о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения Беларуси в годы войны является одной из приоритетных в политике современного белорусского государства, что нашло отражение в целом ряде законодательных актов и чётко выраженной позиции руководства страны. Так, выступая 21 марта 2021 г. на республиканском митинге-реквиеме «Лампада памяти» к 78-й годовщине хатынской трагедии, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко заявил: «Я обращаюсь ко всем, кто убеждён, что фашизм нёс на нашу землю цивилизацию, кто героизирует убийц, кто поклоняется бчб-флагам, под которыми проводился геноцид белорусского народа. Мы занялись этой проблемой, и мы докажем и покажем всему миру, что такое геноцид, и что те, кто сегодня нас пытается поучать, как жить, как минимум не имеет на это права. Всем вам, заблудшим и одурманенным, говорю: “Иди и смотри!” Иди в Хатынь, Борки, Олу, Дальву, Усакино, Шунёвку, Озаричи, к мемориалам “Тростенец”, “Яма”, “Красный берег»» [1].

14 мая 2021 г. был принят Закон «О недопущении реабилитации нацизма». Еще ранее, в апреле 2021 г., Генеральная прокуратура Республики Беларусь возбудила уголовное дело по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. В основу принятого решения положены сведения о гибели миллионов белорусов и иных лиц вследствие зверств немецких оккупантов и их пособников. 5 января 2022 г. Президент Республики Беларусь подписал Закон «О геноциде белорусского народа». Законом предусмотрено юридическое признание геноцида белорусского народа, совершенного нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (до 1951 года). Одновременно устанавливается уголовная ответственность за публичное отрицание геноцида белорусского народа. Следует подчеркнуть, что закон принят в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период и направлен на законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, установления действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, дачи справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников и пособников, националистических формирований в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Применение понятия «геноцид белорусского народа» подчёркивает системный характер уничтожения немецко-фашистскими захватчиками зна-

чительной части населения на территории Беларуси, включающего представителей всех наций и народностей, а также меры нацистского руководства по целенаправленному сокращению численности поработанного населения, существенному ограничению возможностей для его культурного развития. Такой подход соответствует определению геноцида в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой в 1948 г.

В условиях начавшейся войны с СССР немецко-фашистские захватчики сразу приступили к выполнению своих человеконенавистнических задач. На оккупированной территории гитлеровцы создали две административные единицы (рейхскомиссариаты) – «Украина» и «Остланд». Оккупационные власти разрушили территориальную, экономическую и культурную общность белорусского народа. Территория БССР была разделена и включена в разные территориально-административные единицы. В результате расчленения в состав собственно Беларуси вошло только 68 районов из общего количества 201 сельских и городских, которые составляли третью часть территории республики с населением 3,1 млн человек. Эта территория получила название «Генеральный округ Беларусь» (ГОб), входивший в рейхскомиссариат «Остланд». Южные районы Брестской, Гомельской, Полесской, Пинской областей с областными центрами Брест, Пинск, Мозырь были присоединены к рейхскомиссариату «Украина». Эти территории были включены в состав генеральных округов «Волынь – Подолия» и «Житомир». Из Белостокской, северных районов Брестской и части районов Барановичской областей германские власти образовали округ «Белосток» и включили его в состав Восточной Пруссии. Северо-западные районы Вилейской области включили в генеральный округ «Литва». Территория Витебской, Могилёвской, почти всей Гомельской, восточные районы Минской и несколько районов Полесской областей были включены в тыловой район группы армий «Центр».

Ещё в мае 1940 г. правительство Германии приняло директиву о составлении плана «Ост» – плана колонизации и германизации оккупированных территорий восточной Европы, включая захваченные территории СССР. Он был основан на «рассовой доктрине» и теории «жизненного пространства». План «Ост» предполагал покорение и уничтожение русского и других народов СССР. Ставилась задача не только разгрома народов СССР, их разобщения, но и подрыва «биологической силы» путём уничтожения. По существу это был план ликвидации СССР как государства. Какую же судьбу уготовили нацистские вожди белорусскому народу?

Убедительным свидетельством истинных планов в отношении Беларуси является «Директива (Распоряжение) руководителю рейхскомиссариата «Остланд»» за подписью имперского министра оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга. В директиве ясно, недвусмысленно описана

стратегия рейха в отношении Прибалтики и Беларуси. Содержится четкий и однозначный ответ на вопрос о том, что нацисты планировали сделать, в конечном счёте, с нами, белорусами. «Целью рейхскомиссара для Эстонии, Латвии, Литвы и Белорутении должно быть стремление к созданию рейхс-протектората, а затем посредством извлечения расово полноценных элементов и мер поселенческой политики превратить эту территорию в часть Великогерманского рейха. Перед Белорутенией сначала будет стоять трудная задача принимать часть тех элементов, которые будут переселены из Эстонии, Латвии, Литвы» [2]. Решение судьбы белорусского народа было обусловлено отношением нацистов к белорусам как к «отсталому в интеллектуальном отношении» народу. Наша республика в составе рейхскомиссариата «Остланд» должна была стать «резервацией» для переселения «антиобщественных» элементов из Прибалтики и Польши.

Одной из главных целей немцев в ходе реализации плана «Ост» было полномасштабное выселение белорусов с родной земли и постепенное заселение освободившегося пространства немецкими колонистами. Среди трофейных немецких документов выявлена карта германской колонизации Прибалтики и Беларуси. На этом секретном документе от 17 ноября 1942 г. имеется штамп «Рейхскомиссариат “Остланд”. Отдел II. Территория». Согласно карте-схеме и приложению к одному из вариантов (четырёхлетнего) плана, Беларусь от западной границы до линии Гродно – Слоним, южную часть Брестской области, районы Пинска, Мозыря и остальную часть Полесья по линии Пружаны, Ганцевичи, Паричи, Речица предполагалось полностью очистить от местного населения и поселить там немецких колонистов. На карте обозначена территория для поселения колонистов, нанесены запланированные опорные пункты, новые пути сообщений. Исходя из информации, имеющейся на карте, указано количество населения, которое предполагалось оставить в городах для обслуживания колонистов. Так, в Минске намечалось поселить 50 тыс. колонистов и для их обслуживания оставить 100 тыс. местных жителей, в Гомеле – соответственно 30 тыс. и 50 тыс., в Могилёве – 20 тыс. и 50 тыс., в Витебске – 20 тыс. и 40 тыс. и т. д. [3]. В целом же намечалось выселить с территории Беларуси 75 % населения. Стало быть, 25 % белорусов по плану главного управления имперской безопасности подлежали онемечиванию. При этом подлежащие онемечиванию белорусы должны были по замыслам нацистского руководства со временем утратить собственное национальное сознание и свою идентичность с белорусской нацией. Характер этого процесса нашёл отражение в Замечаниях к плану «Ост»: «...представляется крайне необходимым по возможности тщательнее отобрать белорусов нордического типа, пригодных по расовым признакам и политическим соображениям для онемечивания, и отправить их в империю с целью использования в качестве рабочей силы. Их можно было бы использовать в сельском

хозяйстве в качестве сельскохозяйственных рабочих, а также в промышленности или как ремесленников. Так как с ними обращались бы как с немцами и ввиду отсутствия у них национального чувства, они в скором времени, по крайней мере, в ближайшем поколении, могли бы быть полностью онемечены» [4, с. 34]. Следовательно, белорусы должны были исчезнуть, их ожидали германизация и депортация, смерть нации и статус рабов.

В отличие от многих уже поработанных Германией стран Европы поведение оккупантов на территории Советского Союза отмечалось особой жестокостью. В «Памятке немецкого солдата» было записано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, убивай...» [5, с. 12].

За три недели до нападения на СССР были сформулированы «12 заповедей немцев на Востоке и их обращение с русскими», где, в частности, предписывалось: «Ввиду того, что вновь присоединённые территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство» [6, с. 74–75]. Фактически эти и ряд других документов возводили зверства по отношению к местному населению в ранг государственной политики гитлеровской Германии и освобождали германских военнослужащих от ответственности за преступления.

В целях истребления мирного гражданского населения оккупанты создали на территории Беларуси систему тюрем, концентрационных лагерей и гетто. На оккупированной территории действовало более 260 концентрационных лагерей, их филиалов и отделений для военнопленных, гражданского населения, пересыльные лагеря СС и др. По неполным данным, в лагерях смерти на территории Беларуси немецко-фашистские оккупанты уничтожили более 1 млн 500 тыс. граждан, из них около 80 тыс. детей.

Как известно, тотальному уничтожению подвергались евреи и цыгане. В целях «окончательного решения еврейского вопроса» путём полного их уничтожения нацисты и их пособники перешли от политики изоляции евреев в гетто и локальных актов их уничтожения к применению «конвейера смерти» в таких концентрационных лагерях, как Освенцим, Майданек, Тростенец и др. Массовые убийства евреев происходили также в местах их непосредственного проживания.

Сразу же после немецкой оккупации осенью 1941 г. в Гомеле было создано 4 еврейских гетто, в которые было помещено 4000 человек [7, с. 540]. Они находились в районе улиц Ново-Любенская, Быховская, в Новобелице и

в Монастырьке. Людей держали на морозе под открытым небом, морили голодом, пытавшихся добыть пищу расстреливали. В начале ноября 1941 г. всех узников Монастырька и соседнего лагеря, расположенного в районе Ново-Любенской улицы, расстреляли. По рассказу очевидцев, казнь началась в 8 часов утра и закончилась в 4 дня. Всего было убито около 2500 человек [8].

6 ноября 1941 г. было расстреляно около полутора тысяч узников Рогачёвского гетто, куда согнали всё еврейское население Рогачёва, Городца, Поболово и других населённых пунктов. По известным сегодня свидетельским показаниям очевидцев этой кровавой бойни, «по краям канавы стояли полицейские и немецкие солдаты. От подошедшей колонны эсэсовцы отделяли группу в 15–20 человек, заставляли снять верхнюю одежду, а мужчин нателное бельё, под дулами автоматов с бранными криками и побоями укладывали лицом вниз в канаву, наверх укладывали следующую группу жертв, затем эсэовец автоматной очередью расстреливал лежащих. Когда заканчивались патроны, эсэовцу передавали другой заряженный автомат, и расстрел продолжался».

А вот отрывок из воспоминаний этой расправы В. Ф. Янчевской: «Полицай были ещё хуже немцев, рьяно спешили «помочь» своим новым хозяевам – вырывали грудных детей из рук матерей, ударяли головой о мёрзлую землю и бросали в груды мёртвых тел».

Среди расстрелянных в основном были женщины с детьми и старики, только по восстановленному неполному архивному списку жертв Рогачёвского гетто 6 ноября 1941 г. погибло более 130 детей в возрасте до трёх лет [9].

Всего на территории Гомельской области было образовано около 20 гетто. Согласно архивным данным в Буда-Кошелёво погибло 98 % еврейского населения, Паричах – 90,4 %, Стрешине – 84 %, Корме – 71 %, Рогачёве – 72 %, Речице – 48 %, Мозыре – 23,7 %, Чечерске – 32,3 % [10, с. 5].

Вместе с тем на оккупированной территории Гомельщины, кроме уничтожения евреев, цыган, политика геноцида проявлялась в массовых убийствах всех, кто сопротивлялся захватчикам, расстрелах заложников и других карательных акциях. Самыми жестокими преступлениями нацистов против мирного гражданского населения стали акции, когда оккупанты сжигали деревни вместе с их жителями, большую часть из которых в условиях военного времени составляли женщины, старики и дети. Трагическую судьбу Хатыни разделили 628 деревень Беларуси, 186 из которых так и не восстановлены после войны. Одна из самых трагических деревень Гомельщины – д. Ола Светлогорского района, оккупированная немецко-фашистскими захватчиками в конце июля 1941 г. К январю 1944 г. в д. Олу были согнаны и переселены жители деревень Чирковичи, Здудичи, Ракшин, Рудня, Искра, Какаль (Светац),

Дедное нынешнего Светлогорского района; Коротковичи, Плесовичи, Сельное, Мормаль нынешнего Жлобинского района.

Утром 14 января 1944 г. немецкий карательный отряд вместе с войсковой частью, которая насчитывала около 1000 солдат, окружил д. Ола. Людей загоняли в дома, которые затем поджигали. Тех, кто пытался убежать, расстреливали из пулемётов, бросали в огонь живыми. Было расстреляно и сожжено 1758 мирных жителей (эта цифра в 12 раз превышает количество погибших в Хатыни), из них 100 мужчин, 508 женщин, 950 детей. Особого внимания заслуживает воспоминание бывшего жителя д. Олы Тараса Колеснева о сгоревшей в своём доме Аксинье Тимофеевне Курлович. Описание этого страшного эпизода можно найти в книге «Память. Светлогорск. Светлогорский район». «От группы отлучилась женщина в телогрейке и большом клетчатом платке. Автоматчик шел за ней. Я услышал просьбу разрешить сгореть в своём доме. Это была Аксинья Тимофеевна Курлович, жена бухгалтера колхоза. Под дружный хохот фашистов женщина повернулась и твердым шагом пошла к своей горячей избе. За ней бежал фашист с большим баллоном за спиной и опрыскивал её бензином... Женщина не обращала на него внимания. Офицер достал пистолет. Но на пороге дома женщина вспыхнула факелом и спряталась за дверь...» [11, с. 261]. Как считает известный белорусский писатель, краевед И. Котляров, эта мужественная женщина заслуживает отдельного памятника не менее, чем Иосиф Каминский в Хатыни.

В рамках возбуждённого Генеральной прокуратурой Республики Беларусь уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны прокуратура Гомельской области проводит масштабную работу по установлению, кто из оккупантов отдавал приказ сжигать эту деревню, непосредственно участвовал в уничтожении людей. Есть данные, как заявил прокурор Гомельской области В. Морозов, что палачи д. Олы были преданы суду военного трибунала в Брянске в декабре 1945 г. Среди них генерал-лейтенант Фридрих Густав Бернгард, бывший командующий тыловым округом 2-й танковой, а затем – 9-й пехотной армии. А также командант Бобруйского укрепленного района генерал-майор Адольф Гаманн. Оба были приговорены к смертной казни через повешение [12].

Бесчеловечное и жестокое отношение проявлялось у нацистов к советским военнопленным. Это объяснялось их принадлежностью к армии, идеологической основой которой являлась столь ненавистная для нацизма коммунистическая идеология. В связи с этим в распоряжении немецкого командования об обращении с советскими военнопленными отмечалось: «Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведёт её всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей

пропагандой, поджогами, убийствами. Потому большевистский солдат потерял право на обращение как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением» [13, с. 175]. Что касается политруков и командиров Красной Армии, то в их отношении в большинстве случаев применялась смертная казнь. Так, в распоряжении от 12 мая 1941 года «По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками», устанавливалось, что политические работники Красной Армии не признавались военнопленными и подлежали расстрелу» [13, с. 65–66].

В сентябре 1941 г. в центре Гомеля командованием немецко-фашистских войск был организован лагерь для советских военнопленных, который назывался «Центральный пересыльный лагерь военнопленных № 121». Дулаг-121 просуществовал до октября 1943 г. Камеры были переполнены, заключённым невозможно было даже сидеть, царила антисанитария. Ежедневно от нечеловеческих условий содержания в лагере умирало до 100 человек. «В январе 1942 года смертность резко увеличилась. Умерших было так много, что из них стали образовываться горы трупов», – свидетельствовал военнопленный Пашкевич. По воспоминаниям узника Ливанского, «в лагере мертвых пленных были целые скирды, и мы не успевали их выносить. Тех из военнопленных, которые не подавали признаков жизни, раздевали наголо и, хотя они ещё были живы, вытаскивали из бараков и бросали на груды трупов. Немцы говорили, что «в таком состоянии они плотнее ложатся» [14]. С 1941 по 1943 год здесь было уничтожено около 100 тыс. человек [10, с. 6].

Олицетворением скорби, страдания, боли и слёз является концентрационный лагерь «Озаричи». Так в своё время назвал его Якуб Колас. Впервые мир услышал это название 14 февраля 1946 года, когда на Нюрнбергском процессе помощник главного обвинителя от СССР Лев Смирнов представил суду документы, свидетельствующие о злодеяниях фашистов на белорусской земле. Один из них гласил: «19 марта 1944 года наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили на переднем крае обороны немецкой армии три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков» [15]. Другие документы доказывали преднамеренное использование нацистами бактериологического оружия: стариков, женщин и детей умышленно заражали сыпным тифом.

История этого лагеря смерти – одно из самых зверских преступлений фашистских захватчиков, совершённых в годы войны на белорусских землях. Чтобы сдержать наступление Красной Армии военное фашистское командование приняло решение создать на переднем крае обороны живой заслон из гражданского населения – сеть концлагерей, которые стали бы прикрытием при их отступлении и надолго затормозили бы наступление советских войск. По приказу командующего 9-й немецкой армией генерала Гарпе в начале

марта 1944 года вблизи населённых пунктов Озаричи, Дерьт и Подосинники Домановичского района Полесской области были созданы 3 концлагеря, получившие впоследствии общее название «Озаричские лагеря» или «Лагерь смерти Озаричи». Особых различий в обустройстве трёх лагерей смерти не было. Каждый из них представлял собой расположенную в болотистой местности открытую площадку, обнесённую колючей проволокой. Никаких построек, кроме установленных по периметру наблюдательных вышек. Подходы к ним были заминированы. Для того, чтобы перенаправить людей в лагерь смерти, фашисты сгоняли всё мирное население в пересыльные лагеря под видом эвакуации населения из прифронтовых районов. Затем отбирали трудоспособных мужчин, женщин и детей старше 13-летнего возраста и отправляли на каторжные работы в Германию. Остальных нетрудоспособных взрослых и детей направляли в лагерь смерти у переднего края обороны.

За колючую проволоку было согнано около 50 тысяч человек: мирных жителей Мозыря, Жлобина, большинства из близлежащих к Озаричам деревень и посёлков, а также жителей из Смоленской, Орловской, Брянской областей, которых ещё с 1943 г. фашисты гнали перед собой как живой щит. Это были женщины, старики, более 16 тыс. детей [16, л. 5].

Освобождённая из лагеря Л. Пякорская описывает долгий путь до лагеря: «17 марта 1944 г. под вечер нас, жителей г. Жлобина заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южный. Здесь немцы отобрали молодых и повели их. Немцы загнали нас в теплушки и наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали. Но предчувствовали нехорошее. Как потом оказалось, нас везли по рудобельской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. С этого лагеря нас перегнали в другой. В дороге немцы били нас, оставших расстреливали. Вот идёт женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда мать и двое её детей оборачиваются, солдаты-звери по очереди, стреляют в них. Мать поднимает истошный крик и этот крик обрывается выстрелом в упор» [17, с. 142].

Узники находились под открытым небом. Размещались прямо на земле. А между тем, как следует из воспоминаний бывшего начальника медицинской службы 65-й армии генерал-майора В. Колодкина, «за время пребывания в этих лагерях температурные колебания воздуха составляли от 0° до –15°, выпал снег, дожди сменялись морозами». Охрана лагеря запрещала даже днём разжигать костры, собирать хворост для подстилки [18, с. 216]. Постоянный холод и отсутствие еды стали одним из главных испытаний для заключённых. На территории лагерей не было отхожих мест. Покров снега превратился в сплошное месиво. Все нечистоты при оттепели стекали в болотистые части лагерей, откуда узники вынуждены были черпать воду, чтобы

промочить горло, размешать мучную похлёбку для детей. Голод и холод убивал их. Всё, что было взято с собой, давно было съедено. Узники жевали горькие сосновые иголки, заедая их снегом. Однажды гитлеровские охранники привезли машину с хлебом. Машина подъехала к лагерю. Хлеб начали сбрасывать на землю. Узников предупредили, что брать хлеб можно после отъезда машины, иначе они будут расстреляны. Разбросав хлеб у проволочной изгороди, немцы уехали, и тогда многочисленная толпа детей, женщин и стариков, давя друг друга, бросилась к хлебу. Последовало множество взрывов. Масса мертвых и искалеченных остались у проволоки [19, с. 66]

Более того, фашисты решили испытать в Озаричах свои последние разработки бактериологического оружия. Они пошли на невиданное в истории войн злодеяние: здоровых узников немецкие врачи заражали сыпным тифом посредством вакцинации. Для усиления эффекта немцы свозили больных тифом в лагерь из окрестных больниц и деревень. В условиях большого скопления больных людей, сотни узников заболели за очень короткий период. Как утверждал немецкий профессор-микробиолог Х. Блюменталь, «стакан выпитой воды, каждый кубический метр вдыхаемого воздуха должен заражать каждого человека» [15]. Цель этой преступной акции была предельно проста – вызвать эпидемию практически не изученной в то время болезни среди бойцов и командиров наступающих частей, уничтожить как можно больше мирных советских людей, оставить больных тифом на территориях, освобождаемых Красной Армией. Впервые в годы Второй мировой войны жерты использовали в качестве биологического оружия.

Люди умирали целыми семьями и по одному. В первые дни пребывания в «месте смерти» рабочая группа под надзором охранников ещё вывозила с территории лагеря трупы. Затем немцы под угрозой расстрела заставляли узников собирать тела умерших и бросать их в специально выкопанные траншеи. Позднее мерзлые тела умерших женщин, стариков и детей никто не убирал, их просто складывали в штабеля в промежутках, где размещались трупы людей. Средняя продолжительность жизни людей в лагере составляла трое суток. За короткое время существования с 10 по 19 марта в нечеловеческих условиях погибло более 20 000 человек, многие лишились рассудка. Выжили в основном те, кто пробыл за колючей проволокой лишь несколько дней [19, с. 24].

Ярким свидетельством ужасов, которые пережили узники Озаричских лагерей, являются воспоминания очевидцев. Узница Юлия Барабанова на всю жизнь запомнила страшные дни, проведённые там вместе с четырёхлетним сыном. «Немцы привозили людей, больных сыпным тифом, и через проволоку сбрасывали прямо на снег. Многие из них находились в бессознательном состоянии, оставались лежать на снегу, и утром следующего дня я видела, что человек 50–55 уже были мёртвыми, а остальные расплзлись по

лагерю и умирали. Многие были раздеты и разуты... С этими сыпнотифозными были привезены 3 девочки в возрасте 3–5 лет и тоже раздетыми были выброшены на снег. Они часа через 4–5 умерли, вернее замёрзли... Сыпнотифозными наводнили весь лагерь, они лежали всюду, и многие умирали. Немцы заставляли закапывать их. В ямы складывали по 5–10–13 трупов. За 3 дня только поблизости от того места, где я находилась, умерло 200–300 человек, а всего трупов я видела более 300. По всему лагерю за 3 дня моего пребывания в нём умерло не менее 500 человек» [4, с. 152–153].

О чудовищных злодеяниях извергов в концлагере «Озаричи» свидетельствуют воспоминания священника 110-й пехотной дивизии вермахта Иозефа Перау: «Я возвращался с передовой, не подозревая, что увижу картину ужасов. Почувствовал перемену сначала по странному, настораживающему звуку, который я не мог определить, откуда он исходит, пока не обнаружил лагерь. Непрерывные мольбы многих голосов превращались в гул и возносились оттуда в небо. Потом я увидел, как солдаты тащили тело пожилого мужчины, как дохлую скотину. Мертвая старуха лежала на дороге со свежей огнестрельной раной во лбу. Фельдшер указал мне на узлы в грязи. Это были мертвые тела детей» [15].

В ночь с 18 на 19 марта советские войска освободили узников. Остались в живых 34 110 человек: из них – 15 960 детей в возрасте до 13 лет, 13 702 женщины и 448 стариков. По приказу командующего I Белорусским фронтом генерала армии К. К. Рокоссовского для спасения узников было развернуто 25 военно-полевых госпиталей. Тысячи человек были спасены от неминуемой гибели. Следует отметить, что из трёх тысяч воинов, имевших контакт с освобождёнными из лагеря, 8 %, несмотря на принятые предупредительные меры, заболели сыпным тифом и половина из них умерла [18, с. 215–216].

В материалах Международного военного трибунала (Нюрнбергского процесса) суд народов признал лагерь в районе Озаричи Полесской области специальными концентрационными лагерями на переднем крае обороны. В выступлении Л. И. Смирнова, помощника Главного обвинителя от СССР прозвучало: «В этих лагерях не было крематориев и газовых камер, но по справедливости они должны быть отнесены к числу самых жестоких концентрационных лагерей, созданных фашизмом в осуществлении плана истребления народов» [20].

В январе 1946 г. в Минске состоялся не имевший аналогов в белорусской истории судебный процесс. Одним из 18 военных преступников, которых судили с 17 по 29 января в Минском Доме офицеров был бывший командир 286-й охранной и 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Иоганн Рихерт – создатель концлагеря вблизи посёлка Дертъ. Он был приговорён к смертной казни через повешение за совершённые массовые и жестокие злодеяния.

Как отмечалось выше, на оккупированной территории Беларуси нацисты создавали лагеря не только для военнопленных, а также для умерщвления «лишнего» гражданского населения». Жертвами фашистов становились не только взрослые, но и дети. Верхом цинизма и жестокости стали детские концлагеря. Одним из 14 «донорских пунктов», организованных немецкими оккупантами на территории Беларуси, являлся детский концлагерь «Красный берег», маленьким узникам которого была уготована страшная участь доноров крови для солдат гитлеровской армии. В нём содержались дети в возрасте от 8 до 14 лет, которых насильно отнимали у матерей. Узниками становились дети не только Гомельской, но и Могилёвской, Минской областей, а также Украины, Прибалтики, России. В доноры попадали преимущественно девочки, т. к. они чаще были обладателями первой группы с положительным резус-фактором – универсальной крови для использования в медицинских целях.

Человечество не имеет права забывать о невинных жертвах нацистских зверств. Одно из напоминаний об их кровавых преступлениях – уникальный мемориал в Красном Береге, часто именуемом детской Хатынью. Аналогов ему нет ни в Беларуси, ни во всём мире.

Работники лагеря превзошли в изуверстве самого Йозефа Менгле, врача-садиста, проводившего жесточайшие опыты над узниками. Так, в «Красном Береге» разрабатывался и апробировался на детях новый варварский метод обескровливания людей. Ребёнку вводили антикоагулянты и подвешивали его за подмышки, сильно сжимая грудь для усиления оттока крови, которая из глубоких надрезов на стопах попадала в заранее приготовленные ёмкости. Применилось также удаление кожи со ступней, и даже их полная ампутация. Выжить после такой операции не удавалось практически никому. Детские трупы «утилизировались» – сжигались на костре. В застенках детского лагеря смерти «Красный Берег» оборвалась жизнь 1990 детей [17].

Расследуя дело о геноциде белорусского народа, органы прокуратуры Республики Беларусь стараются не пропустить ни одного факта злодеяний, ни одного факта преступлений, которые совершили в годы Великой Отечественной войны фашисты и их пособники в отношении мирных людей. В этой связи приобретает актуальность вопрос выявления мест массового захоронения умерщвлённых детей в концлагере «Красный Берег» и достойного их обозначения. Как свидетельствует в мемуарах журналист газеты «Красная Звезда» Павел Трояновский, «наши воины нашли в лагере сотни трупов детей, которых гитлеровцы не успели сжечь. А оставшиеся в живых дети имели предельную степень истощения. И потом, несмотря на экстренные меры советских врачей, многие из них погибли» [12].

Под предлогом борьбы с партизанами в Беларуси в годы германской оккупации было проведено более 140 крупных карательных операций, целью

которых, как свидетельствуют документы, являлось массовое уничтожение мирного населения. Только на оккупированной территории Гомельщины было проведено 17 наиболее крупных карательных операций [10, с. 319–320].

Подтверждением тому являются документальные источники, из содержания которых становится очевидным, что это был настоящий геноцид. Так, во время карательной операции «Бамберг», проходившей в марте – апреле 1942 г., в Октябрьском районе было истреблено 6500 человек и сожжено 13 деревень, в т. ч. Курин, Подгать, Ковали, Вежин, Гадунь, Рудня, Лаветыки и Смуга [10, с. 244].

В качестве примера можно привести и другие документально зафиксированные акты злодеяний немецких оккупантов. Так, «в конце июля и начале августа месяца 1942 г. в Ельский район прибыла немецкая карательная экспедиция, которая зверски расправилась с населением 12 сел, оставив от них пепелища с обгоревшими трупами беззащитных женщин, детей и стариков» [22, с. 227]. В результате карательной операции, проведённой летом 1943 г., в Южно-Припятской партизанской зоне «полностью были сожжены деревни Полесской части Туровского района... деревни Лельчицкого района... все деревни на запад от ж.-д. Овруч-Мозырь. Очень много расстреляно мирных жителей» [22, с. 302]. А вот что доносит своему руководству генеральный комиссар округа «Житомир»: «В отместку 22 и 23 марта 1943 г. по договорённости с гебитскомиссаром Мозырского округа были сожжены деревни Казимировка и Буда-Казимировка, считающиеся исключительно как бандитские (партизанские – Л. С.) гнёзда. И при этом ликвидировано около 500 человек, но среди них только 50 мужчин; 13 марта также по договорённости с гебитскомиссаром было сожжено 26 домов в местечке Владимировка района Иллицы и расстреляно 62 заложника» [22, с. 197].

Касааясь этой проблемы, нельзя обойти вниманием фундаментальное научное исследование профессора Бернского университета Кристиана Герлаха «Просчитанные убийства. Немецкая экономическая политика и политика уничтожения в Беларуси с 1941 по 1944 год», которое посвящено преступлениям нацистов на территории Беларуси. Опираясь на документы немецких архивов, он показал, что со стороны гитлеровцев не было «войны против партизан» – был план уничтожения белорусского гражданского населения. Именно на территории Беларуси, по словам Герлаха, вермахт и СС под видом борьбы с партизанами проводили жестокие акции массового уничтожения людей [23].

При истреблении мирного населения оккупанты широко практиковали преднамеренную организацию голода. По расчётам немецких экономистов спланированный голод должен был привести к гибели около 30 миллионов человек. Этот официальный документ был разработан весной 1941 года министром сельского хозяйства Третьего рейха Гербертом Бакке. План Бакке

предусматривал по мере успехов вермахта и продвижения вглубь СССР искусственную организацию голода на оккупированных территориях. Сошлёмся также на выводы немецкого историка К. Герлаха, которые он сделал в вышеуказанном научном труде. К. Герлах приводит текст документа, который был составлен до 22 июня 1941 года. Это рукописные заметки на полях к «руководящим принципам экономической политики», целиком относящиеся к Беларуси. В них даётся подробное описание страны и экономики БССР. Автор этого документа Ойген фон Энгельгард считал, что Беларусь едва бы смогла прокормить себя и не принесла бы Германии большой продовольственной прибыли, но «избыток сельскохозяйственных рабочих» мог бы стать более важным. Что же на самом деле обозначали последние строки этой цитаты? Ответ на этот важный вопрос можно найти в содержании вышеназванного документа, который может, в свою очередь, пролить свет на трагическую судьбу белорусского народа. Процитируем выдержку из этого документального источника: «Из трёх крестьянских семей две могут умереть, если от них останется по одному работнику (от 16 до 40 лет обоих полов!». «Этого достаточно в большей части в виде сезонных рабочих и небольшой части в виде сельскохозяйственных работников по контракту», – указывалось в комментариях к документу. «Эта область... может дать рейху нетребовательное, желающее тяжело работать крестьянское население – около 1 000 000 работников сельского хозяйства...». Что касается предложения оставлять 200 кг зерна на душу населения в год, в примечаниях на полях было написано: «Ерунда! Возможность излишка зерновых там сведена на нет. Избыток – это разница между урожаем и голодом». В этой связи важным является вывод К. Герлаха, в котором он утверждает: «Заметки на полях показывают, что программа голода для Белоруссии конкретизирована со всеми возможными последствиями... Это показывает, что существовал план оккупации советских территорий для улучшения продовольственной и сырьевой ситуации в Германии путём сокращения количества продовольствия для местного населения и его уничтожения» [23].

С точки зрения этой проблемы заслуживает внимание также исследование белорусского историка С. Новикова, который отмечает, что «жёсткие требования, предъявляемые хозяйственными органами белорусским крестьянам по выполнению ими твёрдых норм сдачи зерна, мяса, морлока, жира и т. д., приводили к катастрофическому положению на селе. В случае невыполнения определённых норм на каждого отдельного крестьянина или для всей сельской общины вводились штрафные санкции или применялись принудительные меры, оставляя тем самым белорусских крестьян без продуктов и обрекая их, вместе со своими семьями, на голодную смерть только лишь для получения излишков продуктов для вермахта и рейха» [24, с. 102].

Архивные материалы содержат сведения о том, что после сдачи обязательных поставок у многих крестьян не оставалось зерна даже для сева. Свидетельством тому являются заявления сельских жителей С. Я. Туровца, Н. С. Коленика и других, адресованных бургомистру Петриковского района, в которых они просят отпустить за наличный расчет по 2–4 пуда зерна для сева [25, л. 124–130]. Жительница д. Старина Г. Р. Вильченко вспоминала: «Аралі зямлю с'як-так і сеялі збажыну, бульбу. Плошчы было даволі, толькі б сілы, каб апрацаваць, засеяць, убраць ураджай і захаваць яго, таму што ў любую хвіліну маглі наляцець, як гурганы, акупанты і забраць вырашчаны ўраджай...» [26, с. 280].

Таким образом, спустя почти 78 лет после достижения общей победы над «коричневой чумой XX века» переосмысление событий самой страшной в истории человечества мировой войны является настоящей необходимостью. Осознание тяжелейших последствий проводимого нацистами и их пособниками геноцида белорусского народа и других народов Советского Союза и Европы является одним из главных факторов противодействия возрождению фашистской идеологии и сохранения мира.

Список литературы

- 1 Лукашенко, А. Г. Как только мы забудем – погибнем как народ / А. Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2021. – 23 марта.
- 2 Предписано исчезнуть // СБ-тенденции. – 2021. – 9 сентября.
- 3 Геноцид белорусского народа в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://berestovitsa.grodno-region.by/uploads/files/Genotsid/Informatsionnyj-material-Institut-a-istorii-NAN-Belarusi-po-tematike-genotsida-beloruskogo-naroda-v-gody-Velikoj-Otechestvennoj-vojny.pdf>. – Дата доступа : 20.02.2023.
- 4 Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – Минск : Беларусь, 1965. – 464 с.
- 5 Великая Отечественная война 1941–1945 : воен.-ист. очерки / глав. ред. комис. В. А. Золотарев [и др.] ; [Ин-т воен. истории]. В 4 кн. Кн. 4 : Народ и война. – М. : Наука, 1999. – 368 с.
- 6 «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими» от 1 июня 1941 г. // Преступные цели гитлеровцев. Германия в войне против Советского Союза. – М. : Военное изд-во, 1987. – С. 73–75.
- 7 Рабянок, П. П. Акупацыйны рэжым / П. П. Рабянок // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гомеля. У 2 кн. Кн. 1. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 608 с.
- 8 Эта память всегда с нами // Гомельская правда. – 2023. – 19 января.
- 9 Лейкин, А. «Новый немецкий порядок» и его жертвы / А. Лейкин // Гомельская правда. – 2021. – 30 ноября.
- 10 Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область : сб. архивных докум. и матер. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.

11 Памяць : Светлагорск і Светлагорскі р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. У 2 кн. Кн. 1 / уклад. П. П. Рабянок ; рэдкал. У. Дз. Бурачонок [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2000. – 511 с.

12 Это нужно не мёртвым, это надо живым // Гомельская правда. – 2021. – 8 мая.

13 1941 год: Страна в огне. В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 2 : Документы и материалы. – С. 175–176.

14 Гомель. История геноцида // Гомельские ведомости. – 2022. – 26 мая.

15 Тифозная мгла коричневой ночи // СБ-тенденции. – 2022. – 14 апреля.

16 Национальный архив Республики Беларусь (НАНБ). – Ф. 845. – Оп. 1. – Д. 88.

17 Памяць : гіст.-дакум. хроніка Жлобіна і Жлобінскага р-на / рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2000. – 752 с.

18 Памяць : гіст.-дакум. хроніка Калінкавіцкага р-на / рэд.-укл. В. Р. Феранц. – Мінск : Ураджай, 1999. – 798 с.

19 Белорусские оstarбайтеры : ист.-аналит. исслед. / Г. Д. Кнатько [и др.] ; под ред. Г. Д. Кнатько. – Минск : НАРБ, 2001. – 336 с.

20 **Гецман, Н. А.** Неизвестные страницы истории лагеря смерти «Озаричи» / Н. А. Гецман [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/185372/1/22-43.pdf>. – Дата доступа : 19.03.2023.

21 Такое разное правосудие // СБ-тенденции. – 2022. – 2 июня.

22 Гомельщина партизанская : сб. док. и материалов / сост. В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2015. – Вып. 2. Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г. – 423 с.

23 Это был геноцид // СБ-тенденции. – 2021. – 16 сентября.

24 **Новікаў, С.** Колькасныя маштабы прыцягнення беларускага насельніцтва нямецкай ваяннай адміністрацыяй да прымусявай працы на тэрыторыі Беларусі / С. Новікаў // Разняволеная памяць. Прымусявая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі. – Мінск, 2010. – С. 83–134.

25 Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1850. – Оп. 1. – Д. 3.

26 Памяць : гіст.-дак. хроніка Петрыкаўскага раёна / рэд.-укл. В. Р. Феранц ; рэдкал. : А. В. Бічан [і інш.]. – Мінск : Ураджай, 1995. – 636 с.

УДК 339.923

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ЕЁ МЕСТО В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ (ЕАЭС)

Н. К. ТЕТЕРЮКОВ

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

М. Д. ЯГЧЕНКО

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

В статье рассматриваются процессы экономической и политической интеграции, происходящие на постсоветском пространстве, место и роль Республики Беларусь в евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).